

Алексей ПОРВИН

СТИХИ ФЕВРАЛЬСКОГО ГОДА

***

Может, и не зря проскрипел паркет сквозь пламя
своё сопротивление подошвам молочных мародёров,
выбравших выпасть из истории, оставив саднящую ранку
на месте будущей речи о распределении льгот
и столь нужном призыве в армию, не говоря уже о пенсии
Сто лет назад им было не выкатить рояль в узкие двери,
а сегодня не затащить катку, но всегда есть радости
муниципальные: вот, ярмарочной мышцей сокращая печаль,
над медоваренными чанами хлопочут слова
«Пыль мельчает коврами приёмных
депутатских, где каплями падает пот
Статуя, статуя, как нам выправить время,
что от мрамора отклонилось, растревожило *ноль*
Цифра есть и другая – пусть примечтаются цифре
люди с попятными сердцами, примёрзшими к теплу
Пусть на чашах твоих, молчаливая статуя,
всё зримое стирается в порошок, исцеляющий
от неспособности видеть...»
Может, и не зря пеплом профессорских квартир
натёрты небесные штеги до блеска – того самого блеска,
что свою струну не отпустит и любую музыку уговорит
бронзовые колёсики рояльные застопорить
чистым натиском патины

***

Глянец журналов тёмен, как мокрая почва
Витрины вспыхивают ярче, чем влажная глина
Ливень схлёстывается с прутьями
Это просто блеск
Осыпаются шелестящим мраком торговые вечера
В скомканности обменной не разглядеть герб,
не спросить от имени бумаги бесценной, что полна любовью

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор пяти стихотворных книг. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Свободно ли мыслям, тепло ли сердцу, не тесно ли
внутри нескончаемого благословения
Женские голоса жалуются на сияние – мол,
мазнёт по губам, а глубже не проникает
Вот раньше было: сверкало так, что перехватывало
дыхание, и вспышки роились где-то глубоко в горле,
забирались в сердце, свивая гнездо сопротивления
Слёзы текли по щекам, помогая общему сиянию
И прочее, ради чего летает туда-сюда мячик русской речи
Трибуны ревут, размахивая флагами
Хотя нет – флагами перебинтованы древки
тех самых флагов, и никто не обратит внимания:
за безбуквенную команду болеет инструкция,
как вылезти из окопа, когда тело скользит
и наваливается на земляной вал, будто на
товарища в толчее вагона, набитого рабсилой,
и ладони стискивают слякотный поручень,
надёжно прикреплённый к своему
растеканию по земле, как по времени

***

На коровьих спинах вытащен прибрежный ветер,
застрявший в разговорах, какие не разбудить
даже словарным именованьем, и если по щекам
похлёстана слякоть, можно налить ещё чашку
штабного чая, в котором сажей замыслено плавание
Шорохом, непереводимым на молчание, догорает ближняя
граница, не ведая грядущего покоя
в желудке майора
Разве кто сравнит любовь с ТВ-пульта заклинившей
кнопкой, когда снова и снова включается трансляция
дождя одного и того же, всякий раз нового
Не дрогнут дома, когда окна рождаются наружу
заново с каждой каплей, словно можно бытием своим
перехватить падение, словно от участи отстранён
пейзаж, где силуэт белого шума
бодают стада, перепутав с оградой

***

Мглу отделяет от времени, себя даром не теряя,
звёздный свет на побывке в дремоте людской
Фотоплёнкой застревает в завтрашнем лете, мешкает
местность: столько налито сажистого затишья в дома,
что окна полопались, назначая произвольным осколком
зазубренную страну, отколовшуюся от миролюбия
Отколовшуюся или отбитую – как отбивают у врага

его способность дышать свободно под именем «враг»
Выше смысла словесного хороводом возносится почва
Рождается новая форма, молодеют пальцы умельцев
Вылеплен пустотелый переход, что ведёт от минуты
к минуте, и желающие проповедовать прочное дно
смотрят на всё, как на жажду или на жидкость
Путают другое с одним, глядят непонимающим взглядом
на тех, кто стекается словами, словно счастливыми обстоятельствами,
в лучистое русло, что каждой волной баюкает, будит –
подпевайте глине, а не гончарному кругу

***

Бескозырка шелестит двуязычием ленточек тёмных
Хотя нет, лучше сказать по старинке: раздвоенный язык мглы
слизывает усталые минуты с бриза солёного, что прокувыркался
всю ночь в кружевных переходах от зимы к весне
и теперь еле держится на ногах, если считать ногами
интонационные опоры, сотрясаемые марш-броском
Сколько угля нужно для перевода с одного берега на другой
всего государственного аппарата, погрязшего в нечитаемости
Слезами на глазах проступает маршрут, засидевшись
в голове, что стиснута бескозыркой
Экзотические плоды заискивают перед стальной ладонью
соками, в каких небывалые витамины призваны поддержать
ускорение, приданное детсадовскими хороводами
много лет назад: славься, возвращение центробежной
мощи, поигрывай временными мускулами
Отличался материковым нравом, поросшим травой по щиколотку
Пещерную морось не отличал от рисунка священных зверей
Улыбку считал брешью, что законопачена снегом,
течью называл смех, струящий счастливые океаны
Никогда, ни при каких свидетелях
не сравнивал с кораблём силуэт своей возлюбленной

***

Забрало полицейского шлема перенимает
детсадовского линолеума отблески,
обучается прозрачности у дождя, дарующего
примирение всех со всеми, но учебник
отзывает свои буквы, словно бракованный товар
Наука сложна: меркнет укрепленный визор
Служители шагали прямо сквозь мир взрослых,
пустотное зияние в патруле называли *Петров*
в память о том, кто уволился сразу же, как
получил приказ избивать цветы и задерживать
полёт снежинок, снабжённый подозрительным ветром

Сослуживцы не понимали, о чём он говорит
А он всё о том же: как нескрываемая фотография
вянет, загибается уголками прямо в небесную печаль,
как дубинку рассасывает морозный воздух
и у сердца черствеет удостоверение

***

Сладок день, вдали прожитый и далью ставший,
хотя копиями затабунился воздух, а ведь ему ещё
внедряться в лёгкие каждого отдельного человека,
питать индивидуальность, наполнять прозрачностью
слова о величии бескрайнего ландшафта,
который вечно начинается смыканием губ
Что там за вещество изнутри распирает карманы,
раздувает их, словно шар воздушный – незримым газом
С трудом сумела примириться с названием «балласт» –
память обо всех ударах покидает костяшки пальцев:
хоть прячь руки в карманы, хоть не прячь
Славно вышло, раз ключ дверной затесался
в конфетную обертку, пообтёршуюся в кармане,
и пружины замка замерли в недоумении,
и земля небу отвечает княжьей дружиной
Сколько раз пальцы скользили мимо
заветного металла, не натыкаясь на хладную бороздку,
окунались в душок ворсистый, распяленный
обломками спичек, так и не сумевших тебя побороть
Тебя, карамельный запах, что принят за своего
мглой карманной, мглой замочной,
рассветом, распахнутым до предела
речевого

***

Корни петрушки и сельдерея разложены старческими руками
на вчерашней газете
Продавщица дышит сквозь траурную шаль: хочется спросить её,
зачем она вдыхает страну через чёрную марлю, но ответ
и так понятен
Чтобы сынок её Ванюша спал спокойно у неё под сердцем
Чтобы ничем не тревожилось дитя, чтобы только мгла – и ничего больше
Где-то там, в толще земной под её ступнями –
бутон голода, обдуваемый ветрами подземными,
иссушается и вроде согласен размерами не превосходить
темноту официального шрифта, что брезжит и брезжит
всякому, кто надеется на перемены к лучшему
Знает ли лоток шаткий, как становится ухабом для размышлений
правильных и нужных, для мыслей о том, что делать с приправами

к супу, сваренному из вчерашнего ожидания вестей
Всё знает лоток, потому припадает на левую дрожь, которой легко
заразиться в здешних проулках, мощёных во имя всех,
не вернувшихся с войны
Пахнёт влажным грунтом вперемешку с лязгом лопат
из пивной, где надпитые кружки подставляют всему миру
сонм белоснежных ямок пенных, что вроде и рады
слыть слепками людских ртов, обсуждающих отступление
В сторону рассвета крелятся города, обнаруженные на раскопках трезвости
Не располагают новейшими данными, не ожидают рождения искры:
мутноглазые сооружения одобренного культа
натирают облако до пророческого блеска
Корни петрушки и сельдерея помогают от изжоги, говорит старушка
Даже от изжоги с привкусом пепла и латуни
От изжоги, которую легко перепутать
с несложным знанием о рецепте пробуждения
Все знают, как разбудить Ваню

***

Выдохнута горечь, стянуты ранки, и самое время –
запёкшейся ветвью взглянуть в людей, которые
Пенку молочную, трудным произношением приставучую,
плотнеющую сильнее, чем парашют десанта,
призванного освободить морскую волну
от блёклых отражений, какие никто в мире
повторять не захочет
Пенку молочную, вобравшую чуть ли не весь
кальций из молока, чтобы разом напитать
рёбра непокорности и фаланги противления
Пенку молочную, проступавшую – вопреки всему
предписанному загару – сквозь лица многих поколений,
застигнутых пионерлагерной юностью
Пенку молочную, самую обычную молочную пенку
называли остзейским нонсенсом, но неизменно
клали её в гурьевскую кашу

***

Мыши прячутся в динамики, подставляя загривки вибрациям
Разве нет способа иного – вытряхнуть из шёрстки
людское безволие, людскую спесивость, людскую печаль
Смысловая связь давно перекушена, и обесточено правительство –
мыши вечно готовы подбирать всякие крохи, вытирать
собой пылинки на лакированной поверхности прошлого века,
глухо стучащего об пол, словно протез ритмичного солдата
Вдыхая горелый запах, не так уж это и умно – утверждать,

будто самое интересное не в сюжете, а в границах между
 одним кадром и другим
 По какой шкале расценивать это желание помнить субботние танцы
 в сельском амбаре, сотрясаемом до межрайонного основания,
 где кофточный наскок дискотечный, нейлоновая неосвоенность,
 угрюмость в кожаных куртках, любовь исподлобья
 Не пытающийся осмыслить отсутствие пауз как иллюзию
 думает, с кем бы тут поцеловаться, у кого не кисло во рту
 от кариеса или от кусочка медного провода, застрявшего
 между зубами, с кем бы обсудить несущественность препятствий
 Трудно поверить, каким простым может оказаться путь домой
 Лужа расплывается по теням штакетника (тёмные полосы / просветы),
 что мельтешат в свете раннего утра, сменяют друг друга,
 словно кадры киноплёнки, не успевающие сложиться
 в единую, непрерывную ограду

***

Дворник в оранжевом жилете наклоняется к земле так, словно
 играет в боулинг: махнёт правым рукавом – и вылетит горсть песка
 январского, обученного вытравливать гололёд из любой речи
 Махнёт левым рукавом – и выпорхнет стайка газонных семян,
 прорастающих майским прозрением народным
 Как хорошо, что буквы не свалены в кучу и у каждой
 есть своё место под солнцем, и если нужно промакнуть
 разогретое тело, у каждой есть индивидуальное дыхание
 Не ропщет, не подозревает очертания стрелы ни в одном слове
 и вообще – держится молодцом, справляется с очередным потоком
 ножной насос, в народе называемый «лягушка»
 Если (не) слушать просвещённых людей, можно поверить:
 война и чиновники держатся друг за друга,
 еле стоят на постоянно разъезжающихся ногах,
 уже столько шишек набили и столько синяков прячут под одеждой,
 что просьба всыпать хоть одну горсть соли им в шаги
 слезами смешивается с далеко не стерильным библиотечным пеплом
 Тут и там что-то рушится с кегельным грохотом, чтобы воспрять
 любовью к незамысловатому сюжету своего возвращения к жизни
 Дворник оранжевым жилетом приручает солнце – то самое,
 под каким легко глубинам жаберной щелью разгадывать
 воду, перекрученную корабельным винтом
 Вдыхая лучи, несложно простые ответы дать на простые вопросы
 Из пляжного песка вылепить шар, чтобы назвать его
сон пространства – и, катнув шелестом в прилив, наблюдать:
 распадается шар на золотые песчинки пробуждения: каждая
 на отдельном шезлонге, с персональным полотенцем
 Прохладительный коктейль – в одноразовых стаканчиках
 Гигиена прежде всего

***

Соловьем надиктовано отступление ветви
в тень ритма, и если прибегнуть к солнцепёку,
можно исчислить капельки пота на коже пейзажа
Исчислить, но не отразиться в них
Лучше найти кров понадежнее, чтобы думать о том,
почему не помнят плантаций, почему цветут
незнакомым говором, почему так горьки
муляжи выдоха, когда скатерть влюблена
в свои вечные складки, повторяющие периметр стола
Фарфором обнятая вода присваивает
сладкие трещины – в них прятался сахар,
надеясь раствориться не полностью

***

Местностью объяснял всё, даже внезапную наготу: мол,
продирались вместе с блёклой соратницей сквозь партзадания
Присвоены клочки её одежды алчными шипами,
став цветами, что распустились в честь правителя
Вместе с ней верили в свет приказа, но оседлали
вороную разнарядку: смогли, справились, прорвались
Она тогда решила, это все эти сплетения солнца с туманными
прикосновениями, все эти соловьиные переливы из поцелуя в дымку,
все эти безымянные единицы нежности неясного производства –
всё это ей не походит: ей надо было, чтобы всё разложено по полочкам
Годы прошли: теперь она сидит за кассой, прячется за
ярко-напомаженной улыбкой, а он –
неизменно рядом: ну и пусть, что в подсобке
Пинает картонки, бьющие в ответ штрих-кодами
по человеческому времени, но нет зеркал в подсобке,
не разглядеть ровные полоски синяков, не уследить
в их параллельности призыв замолчать
Когда мы видим его, он
миры, вылетающие искрами из-под копыт,
не объясняет, но советует
На леденцовые обломки (что сточили угловатость свою
об эту удаль слюнную и оттого не взрежут время) –
выменять мрамор, дабы перекачивать его
в полости ротовой хоть какими словами
Вообще жить так, будто рассосан гранит
и можно произносить скрипом ветвяным:
«тени листвы трепещут, словно этикетки
в тот момент, когда их переклеивают
с одного товара на другую жизнь...»
В конце каждой смены он ждёт её у выхода

***

Лупят четыре крыла каждую сторону света
Отбивается стрекоза от снежинок, словно из них
вот-вот вылепится прилагательное «межвоенная»
и сядет на хвост этой драконьей душе, что внесена
в список символов счастья
Слова закутаны в глухие одежды и неизменно оказываются
чем-то другим
Вот и «уроборос» – это всего лишь «кольцеброс»
Правила просты: набрасываешь кольца на торчащие штыри,
отпихиваешь всякую метафоризацию и слишком очевидную
образность, заставляя себя не думать о том, что есть и
другие игры
Например, набрасывать нимбы на головы
Если промахнёшься мимо кого-то, то этот кто-то
встаёт рядом с бросающим, получая
право броска, право как следует швырнуть
радужное кольцо
на мир, что ошетинился
стволами винтовок и автоматов
Что говорила девочка, вблизи разглядевшая чешуйки,
жарко нападавшие
ей на бледный живот
с надголовного воздуха
незнакомца какого-то, произносившего
речи о добродетели
Кто же той девочке поверит – она маленькая ещё,
к тому же, у неё сильный стресс: родители остались под завалами
Но даже услышав её слова, всё равно многие сомневаются в том,
что будущее без войны –
единственное, чему стоит
приобщиться
На полной громкости звучат призывы к миру, изо всех сил
старается стрекоза
Внутри материи идёт снег, и солдатская куртка –
не исключение: пробираются снежинки сквозь
волокна, не прошедшие отбор,
завалившие конкурс
на место в трактатах философских

***

Мимо спящего дома струится река цвета хаки
Столбы трепещут объявлениями о курсах котлостроения
Переварили прошлогоднюю коллекцию одежды
магазины, и каждая витрина безлюдна, словно ворота
футбольные до начала матча – хотя нет, всё же,

в них стоит пустота, защищая честь команды случайной
Пустота, себя окружившая муляжами человека
Мутно поблёскивают добровольцам вослед
пластиковые бёдра манекенов
Хлопают второкурсными ресницами предрассветные
медички: не исчезайте, мальчики, но ещё пара мгновений –
и единогласно вольются добровольцы
в поток часа пик, прикладывая неимоверные усилия,
дабы не смешаться с гражданами офисными и учебными
Нужно ли, как в прежние времена, вписывать слова
в графы, залитые звёздным светом, нужно ли солнцем
воспевать человека, на котором время учится
любить, бороться с войной, сострадать
Нужно ли сообщать, что производство манекенов
урезано вдвое – стране не хватает пластмассы
на протезы военным
Нужно ли думать, как пространство себя поедает само,
как вонзает огненные зубы поглубже в зазевавшийся полк
Какого цвета чернила, что разъедают бумагу актуальных
ценников – до понятно какого: цвета застарелой язвы
Не о подобных вопросах думают многоэтажные берега
Окна, заплывшие глиной, слышат лишь внутренний шорох,
с каким время протаскивает сквозь телá
дни и ночи, прощая застревающие минуты:
«только не примыкай, темнота, к темноте;
только, рассвет, не подкрепляйся лучами...»
Шорох переходит в речь тропой одноголосой

***

В этих районах часто звучит словосочетание «свободный край»
Казалось бы, при чём здесь Россия, когда салоны маникюрные
заглушают радиохитами запах ацетона и зазывают прохожих
сточить *свободный край* до гипонихия и дальше –
до *линии улыбки*, и если покопаться в альфа-кератиновой пыли,
найдёшь частицы сопротивления, как и везде
Интересно, сколько микро-лоскутков мужской кожи
стёрто в пыль вместе с возможностью расцарапать лицо
наильнику, сколько граммов пороха собрано из
многокилометровых ногтевых пазух всех этих женщин
Сколько земли изъято из-под ногтей, разворотивших
не один почвенный пласт в надежде опровергнуть похоронку
Нужна недюжинная сила воли, чтобы просиживать часами в кресле
ради красоты
Но это лишь прикрытие: все они стремятся
в условиях глобального потепления, в условиях
вымирания ледников
хоть как-то облегчить Нагльфара грядущее плавание

Всё-таки милосердие прежде всего
Пусты календари, забраны цифры у гос. праздников,
чтобы укомплектовать шкалу осадки
До блеска вымыты сходни, и золотые поручни надежно закреплены
Чтобы каждый чиновник,
отправлявший их мужей, сыновей и братьев на погибель,
подакивающий безумию и превозносящий бессмысленность войны
Чтобы каждый такой чиновник
– с почестями и комфортом, подобающими их статусу –
взошёл на борт
Можно считать, это уже случилось, и порядок вещей
ведёт тебя из города к солнечному побережью, где сосны
поют попутный ветер, где свежий хлеб дышит с тобой
одним воздухом, где лак для ногтей используют
лишь для покраски блесен, и где
улыбка прирастает свободным краем

***

Речь свою пытался с общей состыковать, перебирая
противительные узлы, словно бусины на чётках
Просил называть его не именами, но расстоянием между
Рассказывал про дальнего родственника
Тот на фабрике загоняет непроглядную мглу
в глобус, как загоняют зверя – воспламенив
точечную горечь пятиминутного перерыва,
дымя кондиционеру в решётчатое забрало – в знак превосходства,
конечно же, в знак неуважения к механизму, гоняющему воздух
из пустого в порожнее
Удивительной казалась недвижимая поза рассказчика,
решившего хорошенько насесть на сегодняшний день
всей несгибаемой мудростью присвоенного света
Из его молчания не смысл, но доступную округу извлекали,
как выплетают ленту из косы, разбирая прядь за прядью
Путались в местоимениях, угадывая женские очертания
Смутились, чувствуя на себе взгляд, закованный в доспехи доброты,
вылетающий на всём скаку из-под переходящей вуали жанра
Кто сегодня выиграет право смотреть на людей сквозь душную дымку
Незачем его слушать: вечно свободен тот, у кого на уме
притяжение к телу и солнцу, и прочее, что изучает
побочная физика смысловых перемещений
Всю его речь досконально запомнили, слово в слово
К благоустройству окраин вернулись, а там всё то же счастье
Память, целующая пылью одуванчики
Пледы, пахнущие землёй
Люди, скрюченные пикниками

***

В честь дыхания привозного воскурен мятежный торф,
что дышал мглой в подошвы солдатских сапог
всё равно каких армий
Для подражателей нутра, т. е. для дымовых нор,
нет навыка ценнее, чем игнорировать
корневую систему
Здравствуй, питьё, крутящее колёсики сушёных яблок,
расправляй же изюминку, сжатую между указательными пальцами
времени, разжимай пружину утоления
Прокручивается в стакане соломинка, словно ключ без бороздок
Гладкий ключ, не умеющий отпирать, но не способный и запереть,
утешает донную мякоть,
обещает награду, что маячит человеческим
ртом в конце туннеля –
тем самым ртом, что привык произносить вполне обыденно:
«В бою за родину, верный воинской присяге, проявив
геройство и мужство, был...»
Легко узнать этого юношу – ещё бриться не начал, а уже
норовит вскочить с места, выкрикнуть на пределе громкости:
не хватит ли поэтам дышать в гладкий ключ,
соревнуясь в силе и громкости
выдоха, зауженного до предела
Куда бы ни указывали минуты – всё равно выйдешь к винограднику,
залитому солнцем, где каждая ягода, словно световой пузырик
легендарного напитка, влечётся ввысь
внутренним воздухом навсегда решённых противоречий
Ну а пока – пение трухлявых замков, да разговоров зяблый мякиш
и механизированный компот, что тёплым стеклом ограждён
от сладости мира
не в упрёк обеду по талонам

Но можно выбрать и прочее – например, в группе себе подобных
чувствовать себя пятном на карте, словно ползёт на врага
зелёнка, оглушённая сгибом девичьего локтя
Прочистным самолётиком внедряться в обзор,
верить в мощь тетрадной бумаги, в гигиеническую правду
неразборчивых слов, что прячутся в сгибах
Вертолёты зависают над моментом наслаждения,
но всё глеют окраины болот, и под этот шумок,
спешно скидывая именование «человек», бросая
сокрушительные пожитки, забираются сквозняки
в щель между словом и эхом

***

Шанс восславлен – обучиться орнаменту неопределённости,
гравийный пласт припугнуть орфографией

Что ещё за классификация времён, что ещё за пропуск, если
 прадедов расцвет приколот к воротнику гимнастёрки
 У подножья обновлённого вдоха, в начисто вымытой земле
 камень о камень трётся, извлекая искру, что никак не втиснуть
 в правописание скрипичное, обитое замшей облезлой
 Когда ещё научится говорить дыра в муляже торгов –
 к тому времени жгучим словом завлечена гортань
 гранёной интуицией старших
 Что ещё за борьба с одиночеством, что ещё за видео постыдные
 Друг просит у друга уступить морок на вечерок, дать
 полистать фото в смартфоне, где из пляжа вылеплен вождь
 Не ради чего-то, а чтобы поутру проснуться
 от покальвания песчинок, что не знали укромности скользче
 Ради забавы думали о будущем, которое якобы наступит
 после музыки: тогда разошедший голод пойдёт трещинами, и каждая
 потребует называть её по имени-отчеству
 Пришли к выводу, что ничего не изменится
 Просили начальство сменить число на единственное, чтобы
 понизить градус пространства, но не времени
 Никому нет дела до прополотых ораторий и бемолей сорняковых
 Но можно кашей и макаронами дослужиться – лязг в помощь
 Метит столовая миска в священный алюминий
 ракетный, видевший виды с небывалых высот
 Кто там говорит неясные речи, кто выходит в цветущий сквер
 Да тот, кто в уютном сумраке не силён, кто танковую утробу
 переварил по книгам быстрее, чем она его
 Жаркие стебли раздвигая, вникая в загорелую податливость,
 назвавшийся другом дышит сквозь микроскопические отверстия
 между семьей и семьей
 Мыт-перемыт накомарник, но по-прежнему говорят
 о застрявшем в ячейках нитье
 Вспоминали о том, как правильно жили, как
 заходили в столовую порционно
 Полустёртое время различимо на ощупь
 по звёздам погонным, примёрзшей лапше
 По мисочному лязгу

***

Уличный лоток запахом кофе лепит слюнные крючки
 Надо ли говорить другие слова, когда на каждом углу
 предлагают сделать копию священных чешуек
 Можно замереть, как эта мама с ребёнком, утоляя летний полдень,
 накрахмаливший рты новостями из союзного государства, или
 прямохождение окропить ароматом дальних плантаций
 Хотя почему это дальних – просто плантаций, не подчиненных
 нелепому разделению на близкое и очень близкое
 Солоноватым ветром портовым приложена к лицу возможность
 дышать, впитывает избытки мимической мглы наследной

Так бы и стоять, наблюдая, как бесконечное плавание названий
силы даёт всё новым мирам, так бы и слушать, что говорит мама
Учит ребенка не бить ладонью наотмашь, а *делать культурно*
На комариный укус пальцем нажать, как на кнопку,
надеясь папиллярный узор оставить на мелком крыле,
включить воспроизведение военной хроники
Следить, чтобы ни один кадр не застрял в теле
Вообще обходиться с собой бережно, как с дорогим
плеером, сияющим в плену гарантийного срока
Имена на кофейных пенках причаливают к молчанию
Бумажные стаканчики краснеют следами помады за всю страну

***

Усилие, чтобы поверить: всё забудет грунт, превзошедший
бересту шершавостью, если пяточным жаром отзовется
идея восхождения: требуются сотни лет, чтобы
оглянулось окликнутое равенство
Учебники не взяты на каникулы, всему есть объяснение
Внесённая в реестры память смотрит на мир помутненным
взором, еле на ногах стоит, держится за
разымчивое имя ямщика, что от болот
воспаряет раскуренным клёкотом
Дети чертят шестиугольники на земле,
вряд ли зная о гексагоне как символе симметрии,
изобилия, мира, любви, гармонии и даже брака
Дети чертят молекулу тестостерона – сами того не
желая, и всё стерпит, не сломится
ивовый стилос, что походив смахнул с высот
несколько бак о давно минувшем лете
Всё это важно, очень важно, но разве имеет значение –
какую там ленточку несли в роддом, ожидая от неё
ответов на вопросы ещё не возникшие: глядя на вошедших,
Медуница неясная, *Pulmonoria obscura*, склоняется из розового в синий
Медуница неясная отсчитывает время переходом
из розового в синий – даже когда ни на кого не смотрит
Стебель смиренен, пыльца чиста: медуница не призывает
повторять слова древних: женское и мужское – это языки
одного пламени, и прячась от ветра, никто не преуспеет
Медуница исповедует свою идею увядания
Что же получается, небесная синева склоняется
в кровоток человека, наводит там порядок
по праву старшинства, по праву незримого прилива
Бризом дыша, легко говорить сквозь лепестки:
центром называют любое место,
где пространство столпилось и пытается не
раскрошиться, словно огонь, отколотый
от слова предков
Огонь, живущий не временем, но немеркнущим склоном

***

На пути к рассвету подобрана передышка в рассказе
о человеке, которого просовывали в слово «раса»,
как тщедушную минуту в слуховое окошко
Просили – открой изнутри, а он заплутал
на кухне, к банке засахаренной прилип
Речь свою измазал вареньем черного винограда
Обзавелся прищуром солнечному свету в ответ
На хозяйской перине заснул белокоже
Между делом разрастается пейзаж, где никто никому не солдат
Себя выходили – и ладно, прямо в слово заливали
цветочное молоко, а между делом измором картонным
брали жару садовую, где между ветвями
нестройный хор голосов решает, что считать седлом
Вот-вот пегий ларёк цокнет бутылкой оземь, а уже
узда прочерчена крылом золотая – о пусть же сердце
поёт о том, сколько выпито копыт
Пусть досматривает прадедовы сны разомлевший сообщник
Всем, даже этим, кому чистота на руку
Всем гарантирована реальность
Жизнь меняется к лучшему или это просто гербом гаснет
фуражка, командирские проплешины
распробовав на вкус

***

От сердца отставший прогрев разговорный:
«Знаем, где пламя, и верим – в такие холода неспроста
жмутся раскопки ближе к почвенным глубинам...»
– берегам понятен, как листва конькобежной лепки
Посему грозозащита в кои-то веки обретает смысл
Любовь к родине спешащие записывать в убытки
покусывают карандаш – один на всех –
не это ли тренировка перегрызть
продрогшие плотины, надеясь до предела усилить
блеск жизни переливчатый, почти что бобриний
Главное, со всей точностью сказать: небесное сгущение чаепитий
Знаменем полковым размешивая лесную чащу,
ждать, когда растворится приказ без осадка
Закроешь глаза, утомившись потакать уподоблениям
Слушаешь ветви, пчелиным гуденьем спелённые

***

Произнёсший «отчизна» брошен, как монета
в торговый автомат
Вокруг не тьма дотошная, пахнувшая латунию, но

предлетний день, где воздух,
кочующий между лучами,
везёт отогревшиеся грузы
Радио не скисает проводками, искрящими о том,
сколько младенцев выпущено
по излюбленному государственному страху
обмеления человеческого
Неизвестна планировка дыхания, и запылённый пейзаж
оборачивается взносом в приграничную палатку – там
копеечный пар
целится в небо
и отрицает кастрюлю свою
Спой нам песню, столетняя птица, как рикошетил мир
от перьев неприкрытых, беспричинных
Нужна сила – изыскивать дополнительное зрение,
изворачиваться заморозками в календаре
Нужна сила, превосходящая ядерные угрозы
Если это – сила любви, видимой при произносимом,
то можно не прикасаться к ветвям нарочитым,
сдирающим с тепла нежный ситец
Можно жить без прицельности, ведь под платье,
давно переросшее пляж,
посетительница прячет крутой изгиб своих ног, будто
была когда-то шкодливой
рогаткой для вспотевшего школьника
Как бы кто не начал резину тянуть, а то вылетит камнем
прямо на фронт,
подальше от дома,
подальше ото всех
нежностей этих с примесью горького реваншизма
Это счастье – проходить между столиков, задевая тарелки,
словно в теле застряла
дирижабельная геометрия
Есть время вдуматься в слово *порция*, глядя в соус,
сгущённый из новостей ипритовых
для наспех изложенного города
Лампочка гаснет, оживают батареи отопления
межрёберной негой, пока в нутре вспыхивают
спирали лапшовые, любимицы молчального тока

***

Смешны суеверья, но краном сплунута умывальная нить
трижды, ведь рубероид свисает с крыши отщепенцем
в ту эпоху, когда грядут межрайонные ливни
Здесь и так много слишком предметов, желающих
собой прорехи затыкать, а напишешь вот так
– *слишком-предметов* –
так сразу своей атомарной структуры устыдится печаль,

засобирается обратно в понятный исток
Зря стучится в стекло ртутный паёк метеопата –
полон беззвучными цифрами, словно чем-то неважным
Что ещё Ра промяукает, пока не вернётся в обличье своё
Был тут знакомый один среди командиров напора
Куда он отбрёл – да, видимо, в совесть, ветвящую тени,
грозящую плодов избиением всем, кто любовь переводит
на поздний сумрак вздоха имперского, змеящего правду
Чистой водой отлегают от сердца (что? да весь мир)
На полстакана – столько капель латыни, сколько поэтов,
воспевающих радость, силу, победу
Не напрасно предок далёкий кустарной лодкой
взялся искать потоп помоложе, с более упругими волнами:
светом, подоткнутым под дверь, выкормленные дети,
из всех диет выбирая всезнайство, наблюдают теперь,
как народная гордость лишние килограммы
сбрасывает на город
Это что, ведь ещё предстоит округу вербовать
в полёт велосипедный, исполняя предписанное
каменитое лечение опустевшего пульса
Книгу, что ли, раскрыть на странице с госштампом
библиотечным, заползающим небесной тишиной
на сюжет: из шерсти кошачьей свалянный сыщик
ищет аллергика, повинного в слёзном затмении почвы

Славно, что прокашлялся кран, и можно бесконечно любить
время, поющее жарким клубком, объявшим ладони

***

Сквер всеми ветвями отпихивает фразу про
разноязыких празднующих, выбирая падающий
из громкоговорителя набор обозначений
Вроде бы земля высветляет народ русский, да отчего же
зябнет двухмерная желть под ногами, почему
не согрета ролью свой глобальной эта фраза
про потери врага, про успехи на поле войны
О прямоте, передержанной в слёзном растворе вдовьем,
буркнет неразборчиво травного поклона поборник
Дескать, как славно, что танки, что все как один и т. д.
Славно другое – то, как расцветает разъеденная жердь
Дескать, есть чему у природы поучиться – даже стебельки
гнут спины при виде правителя, даже листва
скромно таит дождевые капли, дабы придворному слогу
пересохшего рта, передвинутой ночи – подальше за щёку –
оправданно называть осень суховерхой, когда
над облаками ни капли не сыщешь
Не иссякнуть столбам, пока воздух осенний
приращению равен

***

«Да закройте уже эту дверь» – салютует голос, и мрамор содрогается
блеском, зябко мельчающим при очередной смене лампочек
Мельчающим, обретающим статус экспоната: обрывки метели
лижут экскурсионное тепло, разглаженное шарканьем бахил
от центра в углы, где сумрак насытился перпендикулярным жаром
и теперь отбывает себя, силуэтом напоминая случайного знакомого
Дышит в ладони себе фотограф, только что из мавзолея
Свобода – вещь ни маленькая, ни большая, а как быть с несвободой
Молчат удобрения в стенах, спрессованные в кирпичи
Без всякого полива разрастаются в объективе
под музейным стеклом колодки крепостных

***

Миновал планету то ли хвост кометный,
то ли просвет истории, наглухо поименованный
«микро-летопись» – миновал, уместился если в ладонь
Латунные свитки жарко разматываются в теле, тычутся
в кровоток – ты прочти нас по-крупному, разом,
хватит крупницы переводить на воздух, довольноно
песчинки световые перебрасывать из жизни в жизнь
Как же, солдатик, ты не знал – ты одноклассник победе
Всё давил и давил на педаль её швейного клёкота
Съехал зачем с магистрали в кружавчатую тень, в стебельки
трофейных поленных духов, прорастающих сладким
стуком височным, но нечто вмешалось
Сбился на нимбе, пахнул свежей землёй
изнывающий от предвкушения калибромер
Чутким лаком крашены ногти, и в пальцах при виде
скорострельных частот просыпается наука услужливая
Ерунда, но всё же: в арсенале пара приёмов – быстро
портрет сникшего мужа поставить, как стоял
Негоже всей правде мира лежать генеральским лицом вниз
Нужно всей правде мира взирать на супружеское ложе
плоским взглядом, отпечатанным за копейки в копи-центре подвальном
В мышцах оживает лепестковая сила – в обратную сторону
вывернуть руль, не щадить сгораний внутренних: на то есть причины
Зоркой крупой обшарен пейзаж подсердечный,
выявлен ливень, где слов разведанная дружность
за каплями прячет домá, налёгшие на число этажей
всей массой, всем противлением артобстрелу
О чём ещё может поведать солдат, говорящий золой
Той ли золой перемазан, покорнейше просит считать
любые силуэты человека как прибыль –
зной слепящий расскажет, что за обочина происходит
с пыльными травами, с офицерскими спальнями

***

Парковые урны, окурки, скамейки – все под дождём
обнажают замысел: понемножку, по чуть-чуть, по шажку
в подводную лодку эволюционировать, дабы лишь
перископной дрёмой касаться того, как звёздный свет редет,
как пьянеет реальность от ласки, как лепечет
заплетающимся отрядом захватническим что-то про
высокий прочерк, от какого покоробленная ПВО
не находит слов: чем бы ещё свободу накликасть
Как цифры сумели отказаться самолично от своего «я»
Как шкала вбирает всё то, что призвана мерить
Как смолчали о том, *что* разговором столкнули
в порошковую изморозь на девичьих лицах
Как сквозит глубиной (смысловой, душевной, какой там ещё)
умение держаться на плаву, призывает: чувствуй подмышками
спасательный круг – толстый, словно распухший градусник,
что взялся измерить температуру, среднюю по мировой истории
Можно выдохнуть: убережены речи, обрытые по периметру
Это значит, потоку предписаны строгие линии, и можно расслышать:
«Завезли пробоины надувные, пойдём разбросаем
Пусть хлебнут свежака, да солью морской закусят –
с печалью русской несмежные отсеки...»
Можно расслышать